

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

11 N.M. Titley, Shiraz and Isfahan Persian Miniatures of the 1470's *Somme Unpublished Manuscripts*, - "Oriental Art", vol. XX, I, 1974, p. 52-60; О.Ф.Акимушкин, А.А.Иванов, Персидские миниатюры XIV-XVII вв., М., 1968, илл. 9, 10.

12 I. Stchoukine, *Les peintures des manuscrits Timurides*, Paris, 1954, pl. XX.

13 T. Arnold, F.R. Martin, *The Nizami Manuscript illuminated by Bihzad, Mirak Gasim Ali, written 1495 for Sultan Ali Mirza Barlar, Ruler of Samarkand in the British Museum, Vienna, 1926*, pl. 24.

14 I. Stchoukine, *Les peintures des manuscrits Timurides*, Paris, 1954, pl. XVIII.

15 "Диван" Хафиза (Перс. код. Картье); К. Керимов, Султан Мухаммад и его школа, М., 1970, фронтиспис.

16 М.М. Ашрафи, Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV-XVII вв., Душанбе, 1974, илл. 56-58; О.Ф.Акимушкин, А.А.Иванов, *цит. соч.*, илл. 41; "Хамсе" Низами (Душанбе, Институт востоковедения, № 756). Неопубликована.

17 G.D. Guest, *цит. соч.*, с. 28.

М.Е.Ермаков

"ГАО СЭН ЧЖУАНЬ" И АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Буддийский свод "Китайская Трипитака", вобравший в себя многовековое литературное наследие китайского буддизма, на три четверти состоит из переводных сочинений. В "собственно китайскую", т.е. представленную китайскими авторами часть свода вошли в числе других сочинения, так или иначе соприкасающиеся с историографией. Здесь, в частности, содержатся записи (紀 цзи), хронологии (紀 цзи), биографии (傳 чжуань) и др.

Среди историографических сочинений "Китайской Трипитаки" как особое явление существует литература буддийских жизнеописаний. Она представлена в "Китайской Трипитаке" в основном четырьмя крупными сочинениями. Это - "Гао сэн чжуань" (高僧傳, Жизнеописания достойных монахов) - сочинение начала VI в.,¹ "Суй гао сэн чжуань" (續高僧傳, Продолжение жизнеописаний достойных монахов) - сочинение VII в.,² "Сун гао сэн чжуань" (宋高僧傳, Сунские жизнеописания достойных монахов) - второй половины X в.,³ и "Дэмин гао сэн чжуань" (大明高僧傳, Великоминские жизнеописания достойных монахов) XVII в.⁴

Указанные сочинения объединены в китайской традиции под одним названием - "Си чао гао сэн чжуань" (四朝高僧傳, Жизнеописания достойных монахов четырех династий). Они содержат биографии в общей сложности более 1500 лиц. Первое описанное в них событие относится к 67 г.н.э. и последнее к 1644 г.

Все сочинения из этого литературного ряда вошли, если придерживаться классификации наиболее полного издания "Китайской Трипитаки", в раздел "Ши чжуань" (史傳, Истории и биографии).⁵

Первое сочинение из собрания "Си чао гао сэн чжуань" - "Жизнеописания достойных монахов" - автор Хуй-цзяо 慧皎 (496-556 г.н.э.) представляет наибольший интерес, поскольку по его образцам создавались все остальные сочинения этого литературного ряда. Если к тому же иметь в виду, что "Жизнеописания достойных монахов", являясь в определенной степени компиляцией, вобрала в себя наиболее существенное из созданного до них в китайской биографической буддийской литературе, то станет ясно, что исследование этого сочинения может явиться ключом, первой ступенью к раскрытию более широкой темы - буддийские жизнеописания в китайской литературе.

В "Гао сэн чжуань" собраны сведения по раннему китайскому буддизму с 67 по 519 г.н.э.. Весь материал этого крупного по объему и ёмкого по содержанию сочинения распределен по 10 разделам: "Переводчики сутр", "Толкователи", "Проповедники" и др. Здесь приводятся в общей сложности 516 биографий. Большой интерес представляет содержащееся в сочинении предисловие автора. При последующем редактировании сочинения предисловие было дополнено краткой биографией автора. Сюда же было включено письмо мирянина Ван Ман-ина к Хуй-цзяо и ответ последнего.

Как и любое сочинение, вошедшее в "Китайскую Трипитаку", "Жизнеописания" Хуй-цзяо заключают в себе глубокий пиетет к учению Будды, проникнуты духом его доктрин. В письме к Ван Ман-ину Хуй-цзяо пишет: "Распространяя Закон и разъясняя учение, никто не упоминает о достойных монахах", и далее - "...будет разумно и правильно составить о них пространные и связанные записи"⁶.

Сходное предназначение было и у представляющей европейскую литературу агиографии. Агиография обращается к той же биографической форме повествования с непрямым описанием жизни героя от рождения до смерти. Здесь обязательными являются рассказы о чудесах, которые можно усмотреть и в некоторых биографиях из сочинения Хуй-цзяо. Наконец, аналогия может показаться полной, если учесть, что в отдельных биографиях из китайского сочинения встречаются те же "сюжетные штампы", что и в европейской агиографической литературе: чудесное рождение, раннее благочестие, предсказание устами знаменитого подвижника славной будущности героя.

И все же говорить о прямой аналогии, даже в порядке предварительного суждения, было бы неправильным. По-видимому, вопрос должен быть поставлен так: были ли созданы в китайском буддизме образцы биографической литературы, соотносимые с биографической христианской литературой или, другими словами, насколько термин "агиография" правомерен по отношению к китайской буддийской биографической литературе?

Судя по названию статьи "Биография и агиография. "Жизнеописания достойных монахов" Хуй-цзяо", тот же вопрос задавал себе её автор - американский исследователь Артур Райт. На самом же деле в этой в целом интересной и обстоятельной статье содержится только несколько замечаний по обещанной в заглавии теме. А.Райт отмечает, что Хуй-цзяо обнаруживает в своем сочинении то же отношение к историческому материалу, что и лучшие историки его дней. Далее, усматривая единственное отличие Хуй-цзяо от светских историков в принадлежности его к последователям буддийского учения, А.Райт заключает: "Все же поскольку он ищет в истории отражение важных моральных принципов, то и стремится в "Жизнеописаниях достойных монахов" продемонстрировать действие буддийских законов и могущество буддийских божеств. В этом контексте он равным образом может быть назван биографом и агиографом"⁷. Такое утверждение не может нас удовлетворить хотя бы потому, что остается невыясненным,

возможно, ли вообще совмещение двух начал - биографического (в его китайском варианте) и агиографического не являются ли эти начала взаимоисключающими.

Под термином "агиография", а равно и под житиями, понимается, как известно, строго канонизированный жанр средневековой литературы, повествующей о жизни святых и подвижников христианства. Исследователей давно занимает вопрос о том, насколько достоверным источником являются жития. Вопрос этот в основном был разрешен уже В.О.Ключевским, который считал, что как исторический источник приобретают значение только жития, в результате литературного развития отошедшие от канонов житийного жанра.⁸ Интересные наблюдения привел в своей книге о севернорусских житиях И.Яхонтов. Исходя из замеченной им закономерности, заключающейся в том, что многие жития не только в общих агиографических характеристиках, но и в конкретных описаниях повторяют более ранние образцы и друг друга, он пишет: "...вся биографическая сторона этих житий может дать историку нужный материал только разве для изучения идеальных взглядов народов на подвижничество, но с этими взглядами знакомят историка и жития святых подвижников всякого другого края".⁹

Рассмотренные как исторический источник "Жизнеописания достойных монахов" обнаруживают принципиальные отличия от житий. Каждая биография, если обратиться к разделу "Переводчики сутр", содержит определенный фактический минимум, который мог быть дополнен, если это позволяли сделать источники. Независимо от объема биографии, этот минимум, составляющий как бы ядро повествования, всегда один и тот же: откуда родом герой повествования, когда пришел в китайские земли, перечень переводов, им сделанных, дата кончины.

Такова в частности биография Таньди: "Шраман Таньди родом из Аньси (Бактрия) был знатоком виняи. В годы под девизом правления Чжэн-вань (254-255 г.н.э.) династии Вэй он прибыл в Лоян. Таньди перевел сутру Таньдзэцэмо"¹⁰. Если же автор не располагает соответствующими сведениями, он это, как правило, оговаривает: "Откуда родом Боянь - неизвестно" или "До какого возраста дожил Боянь - неизвестно".¹¹

При передаче исторических сведений автор "Жизнеописаний" безупречен как историк, а в случае, когда материалы источников не дают достаточных оснований для окончательного вывода, приво-

дит все известные ему версии: "Не совпадают записи о дате смерти Кумарадживы. В одних записях говорится о седьмом году под девизом Хун-ни (406 г.н.э.), а в других — о восьмом и одиннадцатом. Предпочесть седьмой год одиннадцатому было бы ошибкой, тем более, что в самих переводах Кумарадживы содержится дата — одиннадцатый год. Боюсь, однако, что и под ударами грома три этих летописца не пришли бы к единому мнению".¹²

Точность фактического материала "Жизнеописаний" никогда не подвергалась сомнению ни в традиционной китайской историографии, ни у современных исследователей, по части раннего китайского буддизма всегда полагающихся на это сочинение.

Еще об одном существенном различии житий и буддийской биографии. "Основанием для причисления усопших подвижников благочестия к лику святых, — пишет историк церкви Е.Е.Голубинский, — служило прославление подвижников даром чудотворения или же еще при жизни [...], или же [...] по смерти".¹³ Отсюда и житие обязательно должно было включать рассказы о чудесах святого, случившихся как при его жизни, так и после смерти.

Только 3 из II-ти взятых для рассмотрения биографий раздела "Переводчики сутр" содержат рассказы, в которых можно усмотреть элемент невероятного. Такое соотношение, даже если в дальнейшем оно будет несколько изменено, наводит на мысль, что эти рассказы — скорее исключение в "Жизнеописаниях", чем их непременная принадлежность.

Продолжим сопоставление на материале отдельной биографии из китайского сочинения. Задолго до того, как Кумаражива в посвященной ему биографии выказывает способность предвидеть, толковать невероятные явления (что, заметим, не равно христианской способности к чудотворению) сообщается о том, что он перечитал все содержащееся в четырех ведических собраниях, трактатах о пяти познаниях, постиг учение об Инь и Ян и астрологию.¹⁴ Таким образом, чудесная способность героя "Жизнеописаний" рационально объясняется, представляет собой не акт озарения, приходит не по наитию, как это бывает в житиях, а становится результатом его учености.

И последний аспект сравнения. "Житие святого — пишет П.В.Знаменский, — само составляло принадлежность богослужения в день его памяти [...]"¹⁵. Далее следуют возникающие в связи с этим выводы Знаменского об особенностях житий как литературного жанра.

С тем, чтобы удержаться в рамках предложенной темы, ограничимся в этой части единственным высказыванием: церковно-служебное назначение житий обусловило появление в них особенностей, присущих, в принципе, любой литературе, ориентированной на устное воспроизведение.

Напротив, "Жизнеописания достойных монахов" принадлежат к китайской книжной культуре, продолжают традицию и следуют нормам официальной китайской историографии.¹⁶

На основании предложенного сопоставления представляется возможным сделать следующий вывод. Мировая литература в ее национальном многообразии на определенных, не обязательно совпадающих по времени, этапах своего развития создавала образцы биографий в духе отдельных религиозных учений. В этом смысле можно говорить об общности китайских буддийских жизнеописаний и агиографии. В остальном контуры этих литературных явлений не совпадают. Если придерживаться точного словоупотребления, то необходимо будет признать, что термин "агиография" не распространяется на биографическую литературу китайского буддизма.

---

1. 大正新修大藏經 (Заново составленная Трипитака годов Тайсё), Токио, тт. I-85, 1960-64, т. 50, с. 321-423.

2 Там же, т. 50, с. 425-709.

3 Там же, т. 50, с. 709-901.

4 Там же, т. 50, с. 901-987.

5 Там же, тт. 49-52.

6 Там же, т. 50, с. 432.

7 A. Wright, Biography and hagiography. Hui-chiao's lives of eminent monks, - Silver Jubilee volume of the Zinbun-Kagaku-Kenkyusyo, Kyoto, 1954, p. 389-390.

8 В. О. Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871.

9 И. Яхонтов, Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник, Казань, 1881, с. 333.

10 大正新修大藏經, Токио, тт. I-85, 1960-64, т. 50, с. 325.

- II Там же, т.50, с.325.
- I2 Там же, т.50, с.333.
- I3 Е.В.Голубинский, История канонизации святых в русской церкви, М.,1903, с.40.
- I4 大正新修大藏經 ,Токио, тт.1-85, 1960-64, т.50, с.330.
- I5 П.В.Знаменский, Сергей Шедонин, один из малоизвестных писателей ХУП века. -"Православное обозрение". 1882, февраль, с.300.
- I6 Подробнее об этом см.: A.Wright, op.cit.

А.М.Куликова

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И.П.МИНАЕВА НА ВОСТОК В ЕГО
ПЕРЕПИСКЕ С А.Н.ВЕСЕЛОВСКИМ

В рукописном наследии крупнейшего литературоведа А.Н.Веселовского (1838-1906) значительное место занимают эпистолярные материалы. Они насчитывают тысячи писем. Среди корреспондентов А.Н.Веселовского мы встречаем представителей разных отраслей востоковедения. Его переписка с выдающимся индологом Иваном Павловичем Минаевым (1840-1890) выделяется объемом и многообразием содержания. К настоящему времени удалось отыскать в ленинградских архивах 39 писем А.Н.Веселовского¹ и 34 письма И.П.Минаева.² Они охватывают период с 1871 по 1890 г. и представляют собой ценнейший источник не только для биографов обоих ученых, но и для историков, интересующихся развитием гуманитарных дисциплин, а также общественно-политической и научно-организационной жизнью Петербургского университета.

Из зарубежных поездок, отразившихся в этой переписке, для востоковедов особенно интересно первое путешествие И.П.Минаева на Восток в 1874-1875 гг. Эта поездка (вместе с двумя последующими в 1880 и 1885-1886 гг.) имела важное значение как для самого ученого, так и для развития индологии в целом. В 1874-1875 г.